

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Петербургскія пророчества

«Зіяли триумфальныя арки, какъ мосты, разоренные слишкомъ тяжелой провѣдною пошпиной. Бездомные псы поднимали ногу на коринфскія колонны. Пулеметы изрѣзали аконфы бѣлыми звѣздами. Поснившіе отъ холода прохожіе — молчаливые призраки, обутые въ галоши — казались подъ щиплющимъ снѣгомъ такими же оштукатуренными, какъ стѣны мокрыхъ домовъ, съ которыхъ въ вышину человѣческаго роста облѣзла краска. Изъ трубъ, вмѣсто дыма, подымалась одна лишь черная бумага сожженныхъ писемъ; задѣланныя ржавымъ желѣзомъ двери отворялись неохотно, а по вечерамъ не отворялись совсѣмъ; разговоры можно было вести только за семью замками у себя дома или въ тюремной камерѣ. Подъ низкимъ небомъ, конныя статуи, позелѣвшія, какъ стилигонскій сыръ, скакали по линии горизонта и не могли ее перескочить.»

Такимъ увидѣлъ Петербургъ французскій писатель, провѣдомъ заглянувшій туда лѣтъ черезъ пять послѣ «октября». Онъ говоритъ о невмытыхъ стеклахъ «окна въ Европу», о прекраснѣйшемъ, быть можетъ, изъ европейскихъ городовъ, уподобляемому

нынѣ Венеціи, Равеннѣ или Пастуму, съ которыми сравнилъ его Уэльсъ. Впечатлѣнія обветшалого величія, которыя вынесъ Поль Моранъ изъ разоренной и заброшенной столицы, возникали въ тѣ годы у всѣхъ посѣтителей ея; о нихъ-же, хоть и не столь цвѣтистымъ языкомъ, повѣствуетъ нѣмецъ Блумбергъ, посѣтившій ее немного позже. «Сѣверная Пальмира» показала ему старѣющей предестинницей, облеченной въ неприятное «неглиже». Даже на Невскомъ замѣтилъ онъ немало домовъ съ окнами безъ стеколъ, сквозь которыя видѣлись полусорванные обои и пустыя отверстія дверей. Снятыя съ петель двери пошли на топливо. Многія крыши провалились. Одни дома сохранили только фасадъ, скрывавшій уже давнія развалины; другіе стали необитаемы вслѣдствіе порчи печей и водопровода; третьи съ трудомъ удалось привести въ жилой, но неприглядный видъ. Зимній дворецъ, облѣзлый и дряхлый, увидѣлъ онъ вохожимъ на пришедшій къ упадку усадебный домъ какого-нибудь разорившагося помѣщика. И только Исаакіевскій соборъ показался ему неколебимымъ, небовающимся невзгодъ въ гранитной сво-

ей одеждѣ, съ высокимъ порталомъ, гдѣ еще сіяли золотыя буквы: «Господи, волею Твоею да возвеличится царь». Онъ не зналъ, что свай подъ нимъ давно подгнили и что укрѣпить его нѣтъ возможности.

Когда Федотову, разбитую парализуемъ, везли, уже при новыхъ господахъ, по московскимъ улицамъ, мимо Малаго театра, она заплакала и сказала: «Милый, какой ты сталъ грязный, какой скверный». Такъ и мы скажемъ, еще и сейчасъ, если доведется намъ увидѣть Петербургъ, хоть его должно быть и поштукатурили съ тѣхъ поръ, починили, вычистили... Не въ одной штукатуркѣ дѣло.

На конвертѣ съ заграничной маркой мы ставимъ глупыя четыре буквы и партійную кличку ставшаго безымяннымъ города. Мы адресуемъ письмо куда-нибудь на проспектъ Володарскаго или на Вторую улицу Деревенской Бѣдноты и съ трудомъ представляемъ себѣ, что почтальонъ понесетъ его вдоль портиковъ Адмиралтейства, вдоль обгорѣлыхъ стѣнъ Окружного Суда, мимо деревяннаго домика Петра Великаго. Развѣ не призрачными стали — даже не для насъ, а именно для оставшихся тамъ — Петропавловская крѣпость, Растрелли-во мудо въ Смольномъ, Академія, Биржа, Инженерный замокъ, Александринскій театр? Наводисіе сдѣлало свое дѣло; пла и тина, инквизиціи нмъ, не смють никакіе реставраторы. Какъ бы ни подгоняли, ни перекрашивали этихъ куполовъ, спилей и колоннъ, — съ каждымъ годомъ они все невозвратнѣй становятся тѣ-

нями самихъ себя. Нынѣшній Версаль — только тѣнь Версаля; будущій Петербургъ будетъ лишь тѣнью нашего. Онъ уже дремлетъ и сейчасъ на родномъ болотѣ, опустившійся, заброшенный, окруженный ничтожествомъ не умѣющей его наполнить жизни. Трагическій обликъ его, въ первые годы революціи, — окровавленный, голодный и порфиросносный, — понемногу смѣняется другимъ, болѣе обыденнымъ, болѣе житейскимъ, такимъ, что лишь неистребленная его архитектура и неистребимое дерзновеніе его замысла мѣшаютъ ему стать, подобно другимъ русскимъ городамъ, всего на всего обезвѣченнымъ, уравниненнымъ, затоптаннымъ совѣтскимъ захолустьемъ. Судьба Петербурга и петербургской Россіи предчувствовалась давно; на нашихъ глазахъ она свершилась.

**

«Петербургъ быть пусту». Пророчества иногда сбываются. Ихъ было много — отъ самыхъ давнихъ, приписываемыхъ тому времени, когда еще только закладывался городъ, до полу-предвидѣній, полу-проклятій З. Н. Гиппіусъ въ 1909 году:

Нѣтъ, ты утонешь въ тинѣ черной,

Проклятый городъ, Божій врагъ,
И червь болотный, червь упорный

Изъѣсть твой каменный ко-
стикъ.

Камень, правда, не изъѣденъ, но вѣдь и въ стихахъ не о камнѣ идетъ рѣчь, и, если взять ихъ основной смыслъ, они — лишь

конечный выводъ изъ разраставшейся отъ поколѣнія къ поколѣнію тревоги, изъ непрерывно углублявшагося сомнѣнія. Возрастаніе это началось, однако, не сразу; пророчества и предчувствія сперва продремали подъ спудомъ добрый вѣкъ. О нихъ почти не помнили при Екатеринѣ, при Александрѣ I-омъ. Казалось, что новой столицѣ скоро суждено врати въ чуждую ея замыслу страну, что рама, нанесенная разрывомъ съ прошлымъ, уже зарубцевалась. Залогомъ новой жизни казалась самая память о вѣчномъ бунтарѣ, память — не въ примѣръ мапозлею на Красной площади — приуроченная къ жилищу, а не къ могилѣ. О домикѣ на Петербургской сторонѣ прусскій генераль Фридрихъ фонъ Гагернъ замѣтилъ въ 1839 году: «Ему придали видъ часовни, въ которой великому челоуѣку поклоняются, какъ святому», а три года спустя Герценъ писалъ: «Въ Петербургѣ одинъ и есть мощи — это домикъ Петра». Характерно впрочемъ, что Герценъ ошибался: онъ забылъ о Лаврѣ, гдѣ въ огромной, неимовѣрной тяжести рахъ изъ литого серебра хранились мощи Александра Невскаго. Къ сороковымъ годамъ этотъ символъ возстановленной преемственности между старой и новой Россіей, уже померкъ и никто не предвидѣлъ, что черезъ сто лѣтъ разрушители и наследники петербургской Россіи попытаются вновь его использовать. Было время однако, когда онъ ощущался живымъ и дѣйственнымъ, и недаромъ именно въ своихъ «Стихиряхъ св. Александру Невскому»

Сумароковъ съ такой ничѣмъ не омраченною надеждой призывалъ:

Ликуйте вы, Петровы стѣны,
Играйте, Невски берега!

Другой, болѣе прославленный призывъ, «Красуися, Градъ Петровъ...», звучитъ уже не такъ, не столь безоблачно: торжественнѣй, но и тревожнѣй. Пушкинъ въ 1833 году болѣе, чѣмъ когда-либо, приметъ Петра и утверждаетъ Петербургъ, но и яснѣй, чѣмъ прежде, видитъ, что ихъ судьба еще не рѣшена, что борьба еще не кончена. Призывъ похожъ на заклинанье, рожденное ощущеніемъ опасности:

Красуися, Градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія.

Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія, —

а что если не умирится? Да и впаднѣ ли она побѣждена? И вѣдь не объ одной природной стихіи, не объ однихъ «финскихъ волнахъ» идетъ рѣчь. Правда Евгения не уничтожена, не превращена въ ложь правдою Петра, его города, его Россія. Въ «Мѣдномъ Всадникѣ», какъ это бываетъ лишь въ величайшихъ твореніяхъ искусства, совмѣщены два казалось бы исключаютъ другъ друга переживания. Въ немъ — восторгъ передъ «державцемъ полуміра», благословеніе его дѣлу, страстная вѣра во власть государственной узды надъ хаосомъ бунта и наводненія; но въ немъ и другое:

Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,

Какъ съ запечатаннымъ письмомъ,

пустынный островъ на взморѣ,
«домишка ветхій», раздавленная

человѣческая жизнь. «Горделивый истуканъ», «кумиръ на бронзовомъ конѣ» врядь ли вполнѣ равнозначенъ неотразимо живому, излучающему жизнь Петру «Полтавы». «Стихія» покорена, побѣжденъ Евгений, но пророческимъ ужасомъ содрогается поэтъ при мысли о «силѣ черной», рвущейся истребить искусственный городъ, искусственную Россію Петра. Нѣтъ гимна Петербургу, который сравнился бы съ «Мѣднымъ Всадникомъ», но потому, какъ разъ, что онъ — трагическій гимнъ, что не безмятежное преноснесеніе въ немъ дано, а впервые схвачена и навѣкъ запечатлѣна трагедія Петербурга, Петра, Россіи.

Самое равновѣсіе — т. е. художественное здоровье его — трагично, ибо основано на равноцѣнности двухъ правдъ, изъ коихъ одна, ни въ чемъ не измѣняя себя, все же терзаетъ и насилуетъ другую. Бронзовый Петръ и гранитный Петербургъ одновременно увидѣны тутъ въ своей предѣльной красотѣ и въ роковой неразрывности своей съ несправедливостью, страданіемъ и смертью. Но созерцать трагедію не всякому дано, а непрерывно ее переживать и вообще недоступно челоуѣку. Неповторимъ былъ къ тому же и тотъ историческій моментъ, когда еще съ полнымъ торжествомъ звучало «ла», но и «сѣтъ» уже было произнесено, и когда явился Пушкину замыселъ его поэма. За нѣтъ лѣтъ до того онъ и самъ положилъ начало, не сліянію отрицанія и утвержденія, огня и льда, а болѣе односторонне: холодку, сомнѣнію, ироніи.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранить;

стихи эти переходятъ въ мадригалъ и до нѣкоторой степени они случайны; думаю, однако, что они все же показательны. Черезъ четыре года послѣ нихъ и за годъ до пушкинской поэмы, Хомяковъ уже писалъ въ петербургскій альбомъ С. Н. Карамзиной стихи, начинающіеся такъ:

Здѣсь, гдѣ гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой...

и снабженные двумя вымышленными элиграфами на англійскомъ языкѣ и на французскомъ: «Быть въ Петербургѣ, имѣя душу и сердце, — истинное одиночество» и «Я увидѣлъ городъ, гдѣ все изъ камня: дома, деревья и горожане». Въ самый годъ, когда писался «Мѣдный Всадникъ», Печеринъ работалъ надъ своей драматической поэмой «Торжество смерти», гдѣ нѣкая неправедная столица погибаетъ отъ наводненія, согласно никогда окончательно не исчезавшимъ повѣрьямъ о Петербургѣ. А два года спустя молодой балтійскій иѣмецъ Викторъ Генъ писалъ брату: «Ты спрашиваешь, какъ мнѣ понравился Петербургъ? Холодное великолѣпіе. Гигантскія строенія безъ души. Въ этомъ каменномъ городѣ нѣтъ живого, горячаго кровообращенія, какъ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Онъ построенъ въ сѣверной пустынѣ и, быть можетъ, скоро будетъ похожъ на пустынные развалины Балъбека и Пальмиры. Петербургъ — искусственный городъ, возникшій необычайно быстро, и когда

російское государство распадется, онъ исчезнетъ съ такой же быстротой*)).

Чувство Петербурга у русскихъ и у иностранцевъ мѣняется одновременно. Къ концу тридцатыхъ годовъ тѣ и другіе преимущественно воспринимаютъ въ немъ чужеродность, каменность, холодность, — а также непрочность: ожидаютъ его гибели. Въ знаменитомъ описаніи Жозефа де Мэстра, предпосланномъ первой бесѣдѣ «Петербургскихъ вечеровъ» и отнесенномъ авторомъ къ 1809 году, только и читаешь о великолѣпіи города и величіи его творца, о полноводной Невѣ, гранитныхъ набережныхъ, зеленыхъ островахъ: «*Tout ce que l'oreille entend, tout ce que l'œil contemple sur ce superbe théâtre n'existe que par une pensée de la tête puissante qui fit sortir d'un marais tant de monuments pompeux. Sur ces rives désolées, d'où la nature semble avoir exilé la vie, Pierre assit sa capitale et se créa des sujets*». Кюстинъ черезъ тридцать лѣтъ уже не вѣритъ въ дѣло Петра и не слишкомъ восторгается его городомъ. По его словамъ «*personne ne croit à la durée de cette merveilleuse capitale*», да и чудесна она для него только въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова: онъ не находитъ ничего прекраснаго въ ея роскоши и классическія формы ея архитектуры кажутся ему неумѣстными на невскихъ берегахъ. Произволъ Петра по де Мэстру оправданъ, по Кюстину онъ только и

держится произволомъ его наслѣдниковъ. Онъ предвидитъ конецъ въ духѣ старыхъ пророчествъ или мнѣнія Гена: «*Que cette capitale sans racines ni dans l'histoire, ni dans le sol, soit oubliée du souverain, un seul jour; qu'une politique nouvelle porte ailleurs la pensée du maître, le granit caché sous l'eau s'émiette, les basses terres inondées rentrent dans leur état naturel et les hôtes de la solitude reprennent possession de leur gîte.*»

Если вѣрить графу Соллогубу, Лермонтовъ любилъ «чертить перомъ и даже кистью видъ разъяреннаго моря, изъ-за котораго подымалась оконечность Александровской колонны съ вѣнчающимъ ее ангеломъ». Черезъ годъ послѣ смерти Лермонтова Герценъ писалъ: «Жизнь Петербурга только въ настоящемъ; ему не о чемъ вспоминать кромѣ о Петрѣ I, его прошедшее сколочено въ одинъ вѣкъ, у него нѣтъ исторіи, да нѣтъ и будущаго; онъ всякую осень можетъ ждать шквала, который его потопитъ». «Въ судьбѣ Петербурга есть что-то трагическое, мрачное и величественное». Онъ — «блестящій, удивительный, одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ мірѣ», однако въ немъ есть официальность и мертвенность, которая Герцену невыносима и потому «любить Петербургъ нельзя», хотя онъ и чувствуетъ (какъ западникъ), что «не сталъ бы жить ни въ какомъ другомъ городѣ Россіи». Петербургъ вбить сваями «не въ русскую, а въ финскую землю». «Петербургъ не разлитъ жизни около себя; и не могъ, наоборотъ, по-

*) Th. Schieman. Viktor Hehn. 1894, стр. 25.

черпнуть жизненных соковъ изъ сосѣдства; и въ этомъ опять его трагической характеръ». Для Герцена весь онъ «сжимается, лѣпится, сосредоточивается около Зимняго дворца», въ согласіи съ фразой Гена изъ уже приводившагося письма: «Petersburg ist nichts durch sich selbst, durch seine Lage, seine Geschichte, sondern alles als Residenz der russischen Kaiser». Петербургъ — основной символъ императорской Россіи; связь между знакомъ и тѣмъ, что онъ знаменуетъ, не только не ослабѣла, но еще усилилась съ годами; отсюда помертвѣніе символа и приобретѣаетъ всю свою значительность.

Въ «Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ» Тургенева замѣчательно рассказано о переломѣ, произошедшемъ въ серединѣ тридцатыхъ годовъ и окончательно опредѣлившемся къ началу сороковыхъ, о паденіи того, что онъ называетъ «ложно-величавой школой» съ ея риторической государственной моши въ духѣ Марлинскаго, Кукольника, Загоскина, Бенедиктова и о наступленіи новой эры, связанной прежде всего съ именами Бѣлинскаго и Гоголя. Самое интересное въ этомъ рассказѣ то, что по Тургеневу дѣло тутъ отнюдь не ограничивалось Кукольниковъ или Марлинскимъ; онъ говоритъ безъ обиняковъ: «„Мѣднымъ Всадникомъ“ нельзя было любоваться въ одно время съ „Шинелью“». Свидѣтельство это несложно: самый глубокій переломъ во всей русской исторіи отъ Петра до Ленина совершился именно тогда, двумя датами, 1833 и 1842, можно обозначить его начало и ко-

нецъ, а такъ какъ съ нимъ связана судьба петербургской Россіи, то и судьба Петербурга не можетъ быть отъ него оторвана. На первый взглядъ Акакій Акакіевичъ отъ Евгенія не такъ ужъ далекъ, хотя тотъ — захудалый дворянинъ, а тотъ — безродный разночинецъ, — различіе въ историческомъ отношеніи немаловажное; однако они и вообще принадлежать къ двумъ разнымъ этическимъ мірамъ, къ двумъ противоположнымъ образамъ Россіи. Пушкинъ смотритъ на нее какъ бы съ той гранитной глыбы, на которой воздвигнутъ фальконетовскій Петръ; Гоголь смотритъ — или по крайней мѣрѣ хочетъ смотрѣть — и на Россію, и на Петра глазами ничтожнаго, потеряннаго, раздавленнаго человѣка. Когда читаешь:

И онъ по площади пустой

Бѣжитъ и слышитъ за собой... не легко представляешь себѣ, что въ томъ же городѣ есть другая площадь, гдѣ «какіе-то люди съ усами» снимаютъ шинель съ титулярнаго совѣтника Башмачкина. Для Евгенія Петербургъ еще имѣетъ смыслъ — тотъ же, что для Петра —, хоть и приносить ему гибель; для Акакія Акакіевича (и Гоголя) это всего лишь департаментъ, будочникъ, «значительное лицо», т. е. нѣчто, въ чемъ вообще нѣтъ смысла.

Съ «Шинели» идетъ рѣшительное развѣнчаніе Петербурга, которое затѣмъ ширится и углубляется изъ года въ годъ. Предпочтеніе, отдаваемое славянофилами Москвѣ, отнюдь не заставляетъ западниковъ восторгаться Петербургомъ. Формулъ Гоголя (изъ «Петербургскихъ записокъ» 1836

года) «Москва нужна для Россіи, для Петербурга нужна Россія» как будто противостоят формула Герцена «необходимость Петербурга и ненужность Москвы», но вѣдь Герценъ въ той же самой статьѣ своей «Москва и Петербургъ», какъ мы уже видѣли, заявилъ, что любить необходимый этотъ городъ онъ не въ силахъ. Не любилъ его и Тургеневъ, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (въ «Призракахъ») именно онъ, а не какой-нибудь фанатикъ «искоинныхъ началъ» и Москвы, описалъ его такъ: «Эти лустыя, широкія, сѣрыя улицы; эти сѣро-бѣловатые, желто-сѣрые, сѣро-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, съ ихъ впалями навѣсами надъ крыльцами и дрянными оловянными лавчонками; эти фронтоны, надписи, будки, колонны; золотая шапка Исаакія; ненужная, пестрая биржа; гранитная стѣна крѣпости и взломанная деревянная мостовая; эти барки съ сѣномъ и дровами; этотъ запахъ пыли, капуста, рожи и конюшни, эти окаменѣлые дворники въ тулупахъ у воротъ, эти скорченные мертвымъ сномъ извозчики на продавленныхъ дрожжахъ, — да, это она, наша Сѣверная Пальмира».

Дѣло тутъ не въ идеологіяхъ и не въ личныхъ вкусахъ, а въ выѣтриваніи смысла, въ увяданіи надеждъ, въ ощущеніи непрочности петербургской Россіи. Всего выразительнѣй раскрывается это у Достоевскаго, если прослѣдить, какъ измѣнялось съ годами столь острое у него чувство Петербурга — вплоть до оцѣнки его пейзажа, его архитектуры — вмѣстѣ

съ ростомъ тревоги о его судьбѣ.

Въ одномъ изъ фельетоновъ «Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1847 годъ, озаглавленныхъ «Петербургская Лѣтопись» и подписанныхъ буквами Ф. Д., встрѣчаются такія строки: «Не помнимъ, когда случилось намъ прочитать одну французскую книгу, которая вся состояла изъ взглядовъ на современное состояніе Россіи. Конечно, ужъ извѣстно, что такое взглядъ иностранцевъ на современное состояніе Россіи; какъ-то упорно не поддаемся мы до сихъ поръ на обмѣрку насъ европейскимъ аршиномъ. Но несмотря на то, книга пресловутаго туриста прочлась всей Европой съ жадностью. Въ ней, между прочимъ, сказано было, что нѣтъ ничего безхарактернѣе петербургской архитектуры; что нѣтъ въ ней ничего особенно поражающаго, ничего національнаго, и что весь городъ одна смѣшная карикатура нѣкоторыхъ европейскихъ столицъ; что, наконецъ, Петербургъ, хотя бы въ одномъ архитектурномъ отношеніи, представляетъ такую странную смѣсь, что не перестаешь ахать, да удивляться на каждомъ шагу. Греческая архитектура, римская архитектура, византійская архитектура, архитектура рококо, наша парвославная архитектура, — все это, — говоритъ путешественникъ, — сбито и скомкано въ самомъ забавномъ видѣ, и, въ заключеніе, — ни одного истинно прекраснаго зданія».

Эти взгляды французскаго путешественника, въ которомъ легко узнать Кюстина, еще за пять лѣтъ до статьи Достоевскаго впол-

нѣ раздѣлялись Герценомъ, писавшимъ: «Оригинальнаго, самобытнаго въ Петербургѣ ничего нѣтъ (...) Петербургъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ городовъ европейскихкихъ, что онъ на всѣ похожъ», и еще: «въ немъ даже русскія церкви приняли что-то католическое». Достоевскій, однако, горячо возражаетъ Кюстину: «Петербургъ — глава и сердце Россіи. Мы начали объ архитектурѣ города. Даже вся эта разнохарактерность ея свидѣлствуетъ объ единствѣ мысли и единствѣ движенія. Это зданіе въ растреллевскомъ вкусѣ напоминаетъ Екатерининскій вѣкъ, это — въ греческомъ и римскомъ стилѣ, позднеѣе время, но все вмѣстѣ напоминаетъ исторію европейской жизни Петербурга и цѣлой Россіи. И до сихъ поръ Петербургъ — въ пыли и въ мусорѣ; онъ еще создается, дѣлается; будущее его еще въ идеѣ, и идея эта принадлежитъ Петру I, она воплощается, растетъ, укореняется съ каждымъ днемъ не въ одномъ петербургскомъ болотѣ, но во всей Россіи, которая вся живетъ однимъ Петербургомъ...»). Далѣе Достоевскій развиваетъ мысль, что если Москва знаменуетъ собой національное прошлое Россіи, то Петербургъ, это — ея не менѣе національное настоящее и будущее. Удареніе ставитъ онъ на будущемъ, и въ этомъ, незамѣтно для себя, перекликается со своимъ противникомъ Кюстиномъ: «All-

*) См. В. А. Комаровичъ. «Фельетоны сороковыхъ годовъ». 1930. Тамъ же приводимые далѣе тексты изъ черновыхъ записей Достоевскаго.

leurs on a fait de grandes villes en mémoire des grands faits du passé (...) Saint Pétersbourg avec sa magnificence et son immensité est un trophée élevé par les Russes à leur puissance à venir; l'espérance qui produit de tels efforts me paraît sublime!» Зато, когда надежда ослабѣетъ, когда померкнетъ вѣра въ будущее Петербурга, тогда и отношеніе Достоевскаго къ нему кореннымъ образомъ измѣнится.

Черезъ шестнадцать лѣтъ, въ годъ тургеневскихъ «Призраковъ», «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» вновь упоминаютъ о екатерининскомъ, о «растреллевскомъ» вѣкѣ: «Однимъ словомъ, вся эта заказная и приказанная Европа удивительно какъ удобно уживалась у насъ, тогда, начиная съ Петербурга, — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земного шара». Фантастическій, это значить «несамодѣльный», призрачный, иллюзорный, не оправдавшій положительныхъ надеждъ; и Европа здѣсь — только заказная, приказанная Европа. Еще десять лѣтъ спустя, въ «Маленькихъ картинкахъ», включенныхъ въ «Дневникъ писателя», Достоевскій высказываетъ взглядъ на петербургскую архитектуру вполне совпадающій съ тѣмъ мнѣніемъ о ней «пресловутаго туриста», которое онъ когда-то такъ ревностно оспаривалъ. Въ архитектурномъ отношеніи Петербургъ ему представляется теперь отраженіемъ «всѣхъ архитектуръ въ мірѣ, всѣхъ періодовъ и модъ; все постепенно заимствовано и все по своему перековеркано». Ему уже не яра-

вится ни «безхарактерная архитектура церковей прошлаго столѣтїа», ни классицизм Имперїи, ни византїйскїя стилизаціи Тона, ни подражанїя венеціанскимъ или римскимъ дворцамъ Возрожденїя и барокко. Строителямъ этихъ дворцовъ «слишкомъ ужь крѣпкимъ и ободрительнымъ казался установившїйся (...) шорядокъ вещей, и въ появленїи этихъ палаццо какъ бы выразилась вся вѣра въ него: тоже вѣка собирались прожить. Пришлось, однако же, все это почти наканунѣ крымской войны, а потомъ и освобожденїя крестьянъ...»

Въ черновой записи 1876 года Достоевскїй возвращается къ той же темѣ: «Говорятъ, австрїйскїй императоръ похвалилъ нашъ городъ: «Красивъ, хорошо выстроень». Я этого не понимаю, хотя очень люблю архитектуру. Красивыхъ зданїй дѣйствительно, довольно, но до того все это разнообразно выстроено, что другого такого города, я думаю, нѣтъ на свѣтѣ. Всѣ типы архитектуры, рядомъ съ полной безхарактерностью, увидите чуть-ли не на каждой улицѣ. Если бы вдругъ мы перенесли на тысячу лѣтъ спустя, и Петербургъ какъ-нибудь сохранился, какъ Помпея, то всякій бы спросилъ: «какой это такой народъ жилъ въ этомъ городѣ? Какая у него была идея, какой былъ у него характеръ?» Все было, всѣ характеры, и ничего, значить, не было...»

Отчасти мысли эти объясняются не только тѣмъ, что измѣнился Достоевскїй, но и тѣмъ, что измѣнился Петербургъ. Въ качествѣ примѣра «безхарактерности» его архитектуры онъ совершенно

справедливо приводитъ «княжескїй домъ» на Невѣ. Домъ этотъ, по его словамъ, претендуетъ подобно своимъ итальянскимъ образцамъ на «заявленїе независимости, силы, твердаго убѣжденїя. И вотъ, ничему этому я не вѣрю, никакой силѣ, никакому твердому убѣжденїю. Мнѣ даже кажется, что владѣлецъ палаццо до сихъ поръ рѣшительно больше любить юрту, палатку, деревяннїй домикъ, который можно сейчасъ снести, а что палаццо эти только такъ у насъ, для моды...» Далѣе идутъ излюбленныя мысли тѣхъ лѣтъ о томъ, что занесенная въ Россїю западная цивилизація не можетъ съ ней органически срастись, что она приноситъ съ собой формулы, для Россїи не имѣющїя смысла. Однако измѣнившееся отношенїе Достоевскаго къ Петербургу не объясняется полностью ни влїяніемъ славянофильства, ни архитектурнымъ безвременьемъ, ни какой бы то ни было пережївной личннхъ его вкусовъ. Онъ Петербурга не разлюбилъ: объ этомъ свидѣлствуютъ страницы, посвященныя ему въ «Преступленїи и наказанїи», «Идиотѣ», «Подросткѣ», «Вѣчномъ мужѣ». Городъ сроднился навсегда съ его душой, но видитъ онъ его теперь безъ прикрасъ, во всей его наготѣ: «это самый угрюмый городъ, какой только можетъ быть на свѣтѣ» (1873). Тема о призрачности Петербурга, намѣченная еще въ раннихъ разсказахъ, теперь является все чаще, мѣняетъ свой первоначальный смыслъ, приобретаетъ трагическую глубину, становится пророческимъ видѣніемъ. Герой и рассказчикъ «Подростка» говорить:

«— Мнѣ сто разъ, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: «А что, какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ къверху, не уйдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ гнилой, склизкій городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди него, пожалуй, для красы, бронзовый всадникъ на жарко дышащемъ, загнанномъ конѣ?». Кто-нибудь вдругъ проснется, кому все это грезится — и все вдругъ исчезнетъ».

Но отчего же разлетится туманъ, какой катаклизмъ уничтожить городъ? Объ этомъ ничего не сказано въ «Подручкѣ», но объ этомъ говорится въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ 1873 года къ «Дневнику писателя»; и Достоевскій самъ подчеркнул въ этой записи слова «переворотъ» и послѣдніе два слова:

«Я часто спрашивалъ себя: какъ безъ **переворота** можно согласиться бросить такіе дворцы — кстати, что будетъ съ Петербургомъ, если бросать? Уцѣлѣютъ нѣмцы, множество домовъ безъ поддержки, безъ штукатурки, дыря въ окнахъ, а посреди — **памятникъ Петра**».

«Ужо тебѣ...» Мы узнаемъ обтѣллые дома и выбитыя стекла поруганной столицы. Можно ее отстроить, но воскресить пельза; столицей ей не быть; вѣкъ ея пронелъ; петербургскій апокалипсисъ исполнился. Свершилось торжество многоголового, безликого Еленія надъ Мѣднымъ Всадникомъ, создателемъ Петербурга. Смирный Ахакій Акакіевичъ,

возставъ изъ гроба, снималъ шинели со всѣхъ «значительныхъ лицъ». И не только штукатурка облупилась и дворцы пошли на показъ или на сломъ, но передъ лицомъ исторіи городъ и въ самомъ дѣлѣ «исчезъ, какъ дымъ», и мы всѣ, кому онъ снился много лѣтъ, проснулись.

Теперь, когда глянешь назадъ, кажется, что въ такомъ концѣ вообще никто не сомнѣвался, какъ не сомнѣваются въ смерти, хотя каждый, въ мигъ ея прихода, можетъ сказать, что жилъ и не думалъ умирать. Этому не противорѣчить возвратъ восхищенія, гордости Петербургомъ, начавшійся въ девяностыхъ годахъ и захватившій первые годы революціи. Оправданіе петербургской красоты, которымъ обязаны мы живописцамъ и поэтамъ, новой жизни — хотя бы только въ искусствѣ — ему не принесло. Съ оцѣнкой петербургской архитектуры у Кюстина, въ «Призракахъ», въ «Дневникѣ писателя» никто уже теперь не согласится; но если Россія была послѣднимъ гениемъ европейской архитектуры, то подражаніе ему такъ и осталось подражаніемъ. Исправленіе вкуса — еще не обновленіе творчества, и любовь къ прошедшему не всегда имѣетъ власть надъ настоящимъ. Никогда еще такъ не любили Петербурга, Пушкина, Петра, какъ въ годы, которые мы всѣ помнимъ, но у людей съ воображеніемъ, у имѣвшихъ глаза, чтобы видѣть, любовь эта была неразрывна съ чувствомъ и предчувствіемъ трагедіи. Тому свидѣтельство — «Петербургъ» Бѣлаго, стихи Блока (особенно изъ цикла «Городъ»), мучительныя строчки Анненскаго,

какъ бы написанныя для того, что-бы намъ ихъ припоминать, когда не спится ночью:

Желтый паръ петербургской зимы,
Желтый снѣгъ, облипающій длиты...

и дальше:

Только камни намъ даль чародѣй,

Да Неву буро-желтаго цвѣта,
Да пустыни вѣмыхъ площадей,
Гдѣ казнили людей до разсвѣта.
А что было у насъ на землѣ,
Чѣмъ вознесся орелъ нашъ двуглавыи,

Въ темныхъ лаврахъ гигантъ на скалѣ, —

Завтра станеть ребячьей забавой...

и еще:

Ни кремлей, ни чудесъ, ни святынъ

Ни миражей, ни слезъ, ни улыбок...

Только камни изъ мерзлыхъ пустынь,

Да сознанье проклятой ошибки.

Какъ же благоденствовать странѣ, у которой такая столица? И какъ столицѣ самой не уйти, не исчезнуть въ туманѣ, когда о ней пишутъ такіе стихи?

Но раньше, чѣмъ разсѣялся сонъ и развѣялось марево Петербурга, намъ дано было увидѣть

нашъ городъ въ такомъ сіяніи правды, въ такомъ непокупномъ, чистомъ, горнемъ свѣтѣ, какихъ онъ еще не зналъ и знать не могъ. Когда все было рѣшено, все кончено, все заколочено и пусто, и бездомными высились вдалекѣ тѣни фабричныхъ трубъ, — въ осень, когда умеръ Блокъ, когда прохожій, бредя посреди мостовой, выходилъ на безбрежную необитаемую площадь и сажени сырыхъ дровъ закрывали съ Невы фасадъ Дворца, — въ тѣ дни Петербургъ былъ прекрасенъ, какъ никогда, широко раскинутый, царственный, ненужный. Арка Главнаго Штаба безкорыстно замыкала свой полетъ, Биржа за рѣкой стала и вправду храмомъ, игла крѣпости свѣтилась въ легкихъ небесахъ; изъ времени онъ вернулся къ вѣчности. Подолгу, подолгу съ моста можно было смотрѣть на линію дворцовъ, и казалось, что стѣны ихъ источаются, свѣтлѣютъ, что проступаютъ сквозь нихъ тощія деревца, чухонскія болота, а потомъ лѣса, нажити, разливы, степи, вся равнинная русская нескончаемая даль, что вся Россія просвѣчивается, и ужъ навсегда теперь, сквозь ставшіе прозрачными камни Петербурга.

В. Вейдле.

Явленіе вальса

Мнѣ постоянно приходитъ въ голову: какое впечатлѣніе отъ нашего времени получить будущій его историкъ. Столько неожиданностей, такіа невообразимыя, казалось-бы, перемѣны во всѣхъ

областяхъ жизни: въ государственныхъ режимахъ, въ быту, нравахъ, въ сознаніи; и каждый день — «сенсаціи», каждый день все новые сюрпризы; и начинаешь думать, что категория «невѣ-